

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О НАДГРОБИИ
И ЗАХОРОНЕНИИ
ПЕРВОПЕЧАТНИКА ИВАНА ФЕДОРОВА**

И. З. Мыцко

Жизни и деятельности выдающегося восточнославянского просветителя, первопечатника Ивана Федорова посвящена обширная литература. Но ни в одной из работ мы не встретим указаний на точное местонахождение могилы первопечатника. Общепринятым является мнение о погребении Ивана Федорова на кладбище возле Онуфриевской церкви во Львове. Однако некоторые ученые допускают, что печатник мог быть похоронен в церкви, там, где когда-то лежала его надгробная плита ¹.

Хронологически первым сообщением о надгробном камне первопечатника является запись в рукописной хронике Онуфриевского монастыря во Львове ². Начатая игуменом Б. Кровницким

в 1771 г. хроника освещает период от 1249 (?) до 1772 г. Как отмечает автор, написана хроника «по документам, преданиям, рассказам людей»³. События XIII—XIV вв. (в большинстве полубоготочные) пересказываются по хронике львовского монастыря св. Юрия, однако позже используются документы Онуфриевского монастыря и Львовского Ставропигийского братства, оригинальные эпиграфические памятники.

Во второй части детально отмечаются даже самые незначительные события в истории монастыря. Так же обстоятельны и записи Б. Кровницкого 1776—1782 гг. Однако записи других хронистов за 1772—1776 и 1782—1815 гг. велись спорадически. Реконструкцию монастыря 1815—1817 гг. описывает известный львовский исследователь старины, библиофил М. Гриневецкий, но, кажется, ретроспективно, ибо в Онуфриевский монастырь он переехал 2 июня 1817 г. после ликвидации монастыря св. Юрия во Львове. Записи обрываются в 1817 г., хотя М. Гриневецкий жил тут до конца своей жизни (до 1 апреля 1823 г.); в самой же старой части хроники встречаются его дополнения и исправления, датированные 1821 г.⁴

Сообщение Б. Кровницкого о надгробии Ивана Федорова звучит так: «1583 дня 5 декабря погребен при львовской церкви св. Онуфрия какой-то друкарь, названный Московиким, (о чем. — *И. М.*) свидетельствует его каменное надгробие, в пол потом зарытое над алтарем матери божией; требует консервации для доказательства здесь основанной друкарни»⁵. Таким образом, Б. Кровницкий сам видел надгробие и сам его изучал. В 1771 г. надгробие находилось под алтарем Богородицы. Б. Кровницкому точно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах надгробие было зарыто в пол «под алтарем матери божией». Он пишет достаточно неопределенно — «потом». Инскрипция на плите уже тогда плохо читалась в отдельных местах. Б. Кровницкий не только не смог прочитать имени печатника, но он не знал его и из других источников (архивов, книг). Не зная ни имени, ни биографии друкаря, Б. Кровницкий связывает именно с этим человеком деятельность монастырской типографии. Но последняя, как известно, функционировала лишь в 1608—1616 гг. Похоронен печатник «при церкви». Анализ других записей хроники говорит, что предлог «при» выступает в значении «возле» церкви, но никак не в храме.

В 1817 г. М. Гриневецкий добавил после записи Б. Кровницкого следующее: «Герб на том надгробии ~~такой~~ такой». А на левом поле страницы дописал: «Надпись на этом надгробии русская притертая. . .» ичъ Друкаръ Москвитинъ Который Своимъ тщаніемъ Друкваніе занедбалое обновиль Престависа въ Львовѣ Року АФПГ. декемр. ѳ. В середине над гербом притертое «оупокоеніа» (а далее. — *И. М.*) видно «Воскресеніа изъ Мертвыхъ чаю». Ниже герба еще можно разобрать выбитое:

«Друкаръ Книгъ предтѣмъ невиданыхъ». Списано во Львове дня 28 июля 1817 года. Модест Гриневецкій ордена св. Василия Великого (монах. — *И. М.*), святой теологии доктор, ординарный профессор теологии, догматики и полемики императорско-королевского университета»⁶.

Из дополнения М. Гриневецкого можно сделать выводы о том, что М. Гриневецкій списал инскрипцию надгробия 28 июня 1817 г., т. е. почти через два месяца после переезда в Онуфриевский монастырь. Надгробие еще лежало под алтарем Богородицы, в ином случае ученый должен был бы уточнить его новое размещение (на 28 июня 1817 г.). Сохранность надписи, как и плиты, плохая. М. Гриневецкій говорит о вытертости, фиксирует часть надписи: «ичь Друкаръ Москвитинъ» и т. д. Следует думать, что сохранность плиты оставалась прежней в 1771—1817 гг. На 28 июня 1817 г. М. Гриневецкій, очевидно, еще не знал имени и биографии печатника. Во всяком случае нигде в хронике он не дописывает его имени. Однако на других страницах он уточняет Б. Кровницкого, когда это относится к истории книги и книгопечатания. Так, при упоминании в записи 1614 г. «Книги о священстве», напечатанной в Онуфриевском монастыре, М. Гриневецкій дописывает имя друкаря иеромонаха Пафнутия.⁷

Следующая запись о надгробии первопечатника помещена в экземпляре старопечатного Апостола 1574 г., который когда-то принадлежал Онуфриевскому монастырю⁸. Сравнение почерков говорит о том, что исполнил ее М. Гриневецкій.

Надпись не датирована. Из маргинальных записей известно, что в XVII в. указанный Апостол принадлежал монастырю в с. Лавров возле Львова. В XVIII в. он еще не мог находиться в Онуфриевском монастыре, ибо инвентари 1763 г., 1769 и 1778 гг., завершенные визитацией 1783 г., отмечают лишь один экземпляр Апостола⁹. В инвентаре 1778 г. сказано, что эта книга львовской печати. Такое уточнение показывает, что автор инвентаря (Б. Кровницкий) ознакомился с выходными данными книги. Более того, игумен Б. Кровницкий должен был осматривать книгу при приеме и сдаче монастырского имущества. Было бы странно, если бы он не обратил внимания на издательскую марку, подпись под ней, послесловие — будь это федоровский Апостол, — говоря об Иване Федорове в хронике как о неизвестной личности.

За 1783—1827 гг. не сохранились монастырские книжные инвентари. Однако известно, что в 1817 г. сюда перевезли библиотеку из львовского монастыря св. Юрия¹⁰. Наличие в ее составе (в 1822 г.) не только Апостола 1574 г., но и заблудовского Евангелия-учительного 1569 г., на наш взгляд, надо связывать с книговедческими интересами М. Гриневецкого. Ведь еще в 1813 г. этот ученый занимался историей книгопечатания XVI в., серьезно работал над старопечатными книгами и рукописями из святоюрской библиотеки¹¹. Тогда он лишь высказывал предположение о печатании кирилловских книг в период между выходом Библии Ф. Скорины (1517) и Острожской Библии 1581 г., значит, в со-

ставе библиотеки еще не было книг Ивана Федорова. Вполне возможно, что М. Гриневецкий как прокуратор василианских монастырей Галичины изъял Апостол во время визитаций монастыря в Лаврове. Во всяком случае уже в 1822 г. ученый показывал в библиотеке св. Онуфрия эти две книги вместе со старинными грамотами Лавровского монастыря русскому ученому П. И. Кеппену¹². Исходя из этого, можно сказать, что надпись на Апостоле 1574 г. могла быть исполнена не ранее 2 июня 1817 г. (переезд М. Гриневецкого в Онуфриевский монастырь) и не позже 1 апреля 1823 г. (смерть ученого).

Текст надписи (л. 2 нн — 1 об. второго счета): «Сия книга Апостол есть монастыря Львовскаго преподобного Отца Онуфрия Пустинножителя, иде же и друкарь ея есть погрбенни року божия АФПГ. 1583 дня Е декабрь, 5 Децембра, яко же свидетельствуется его надгробок во церкви с(вя)того Онуфрия знайдующийся пред олтарем пресвятыя Богородицы. На нем же есть и герб того же друкаря таковий каковый вид ши его герб на концы сея

книги , токмо же на надгробком суть литеры , что значит

Иоанъ Федорович. При конци же книги сея выписано имя Иоан, яко же кйждо ся снести и сравнити может». Сокращенный вариант этой надписи размещен на листах 260—264: «Сия книга глаголемая Апостол есть монастыря Львовскаго перепоод (обнаго) отца Онуфрия, при котором и друкар ея Иоан Феодорович Москвитин есть погребенный року 1583, 5 декем (врия)».

Запись дает возможность утверждать, что Модест Гриневецкий идентифицировал затертую надпись имени печатника на надгробии с данными на последней странице Апостола 1574 г., где при печатной марке размещена подпись: «Иоаннъ Фѣдорович — друкарь москвитин». Инскрипция плиты испорчена, в противном случае М. Гриневецкому не нужно было бы при реконструкции пользоваться косвенными данными — сравнивать только издательскую марку на плите и в книге. Локализация места захоронения печатника ограничивается общими словами — «в монастыре» и «при монастыре». Место размещения надгробия в то время — «пред (возле — *И. М.*) алтарем пресвятыя Богородицы».

Текст записи о надгробии первопечатника Ивана Федорова из монастырской хроники в 1825 г. переписал в свою историко-хронологическую выписку о Львовском Ставропигийском братстве Александр Ильяшевич¹³.

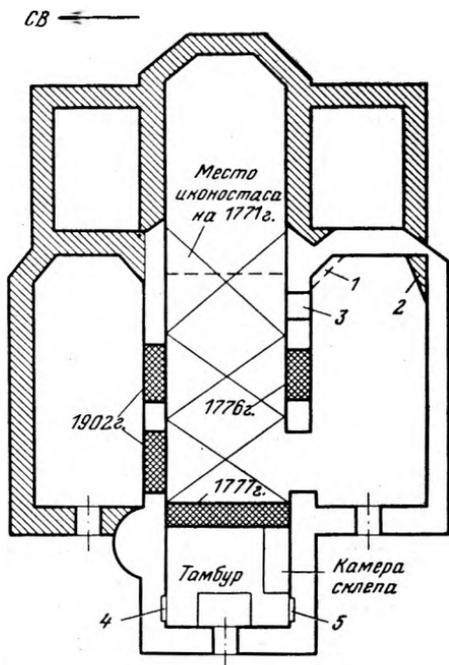
Надгробная плита также упоминается и в анонимном описании инскрипций на церкви св. Онуфрия и надгробиях¹⁴. Описание представляет собой лист бумаги, на котором текст занимает только полторы страницы. Несколько параллельных линий после описания, проведенных карандашом, указывают на то, что его рассчитывали продолжать, но по неизвестным причинам не окончили. Буквы старательно выписаны, аккуратно размещены. Думается, что описание готовили или для пересылки кому-то, или для

публикации. При записи текста на надгробии Ивана Федорова стоит дата: 28 июля 1817 г. — и указание на то, что списал его М. Гриновецкий. В анонимной описи цитируется запись М. Гриновецкого, но цитирование следует отнести к 1823—1824 гг., что легко подтверждается другими данными анонимной описи (описание плит Палагеи, дочери Яцка Влошка, и Е. Понетовской, перенесенных на внешние стены бабинца в эти годы).

Текст анонимной описи: «Погребен при львовской церкви святого Онуфрия какой-то друкарь, названный Москвитким, (о чем. — И. М.) свидетельствует надгробие его каменное с гербом на том надгробии таким *120*. Надпись на этом

надгробии русская притертая: „Иванъ Фѣодоровичъ Друкарь Москвитинъ который своимъ тицаніемъ друкованіе занедбалое обновили — преставился въ Львовѣ Року АФПГ. Декембрѣа е“. В середине над гербом притертое „оунокоеиА“ (а ^{еще} далее. — И. М.) видно „Воскресеніа изъ мертвыхъ чаю“. Ниже герба еще можно разобрать выбитое: „Друкарь книги предтымъ невиданыхъ“. Списано во Львове дня 28 июля 1817 года. Модест Гриновецкий ордена св. Василия Великого (монах. — И. М.) святой теологии доктор, ординарный профессор теологии, догматики и полемики императорско-королевского университета»¹⁵.

Исследование записи дает право утверждать, что исполнена она не рукой М. Гриновецкого. Перед нами компиляция записи Б. Кровницкого (1771 г.) и дополнений М. Гриновецкого (28 июля 1817 г.), сделанных в монастырской хронике. Имя и прозвище друкаря реконструированы по тому же принципу, которым пользовался М. Гриновецкий в маргинальной записи на старопечатном Апостоле 1574 г. Однако анонимный автор описи не допускает никаких отклонений от текста Апостола 1574 г. На

16. План церкви св. Онуфрия

I — стены, построенные до 1771 г. II — стены, разобранные после 1771 г. III — стены, построенные после 1771 г. IV — нервовы

1 — стена, указанная на плане М. Лончины; 2 — стена, построенная в 1903 г.; 3 — проход, выявленный в 1971 г.; 4 — надгробие Марка Ланчина; 5 — надгробие Стефана VII Томши.

это указывает как соблюдение правописания, так и обозначение имеющихся в оригинале ударений «Іоáннь Фѣдоровичь». Характерно, что ударения проставлены только на тех словах, которые нельзя было прочесть на плите. О чисто механическом переписывании говорит пропуск буквы «w» перед словом «Srzodku» и вписание ее позже. Излишним в новом варианте записи является и слово «какой-то», ибо теперь уже установлено имя Иоанн Федорович. Кроме того, анонимный автор записи пользовался Апостолом 1574 г., ему уже хорошо известна личность первопечатника. В описи не локализуется местонахождение плиты, опускаются слова Б. Кровницкого, что «надгробие. . . потом зарыто под алтарь Богородицы». Отсюда можно сделать вывод, что во время составления описи алтарь или плита были в другом месте или обе уже размещались в разных местах церкви.

Подводя итоги, можно сказать, что во всяком случае на протяжении 1771—1817 гг. надгробие первопечатника находилось возле алтаря Богородицы. Последний не фигурирует в актах после ремонта 1817—1824 гг. Это свидетельствует о перемещении алтаря или плиты либо того и другого одновременно.

Как видно, ни Б. Кровницкий, ни тем более М. Гриневецкий не уточняют место погребения первопечатника, очевидно, потому, что они этого не знали. Первый говорит, что «похоронен. . . возле церкви», второй — «в монастыре».

Что касается состояния надгробия, то с 1771 по 1817 г. оно не претерпело значительных изменений. При этом ясно, что имя и прозвище печатника на надгробии уже в то время читать было невозможно.

При изучении надгробия первопечатника возникает вопрос: где же именно находилось оно в церкви? В 1771 г. Б. Кровницкий отмечает, что плита зарыта под алтарем, а в 1817 г. М. Гриневецкий — лежит перед алтарем. Эти две локализации могут быть тождественными, но могут отмечать и какие-то незначительные перемещения алтаря относительно плиты или наоборот. Так или иначе на протяжении 1771—1817 гг. надгробие находилось в районе алтаря Богородицы. Как удалось установить, был он боковым и размещался «при філяре» (столбе, колонне) церкви (современный центральный неф)¹⁶. Заметим, что в 1780 г. в церкви был установлен новый одноименный алтарь¹⁷. Неизвестно, поставили ли его на месте старого или они существовали одновременно. Но из маргинальной записи М. Гриневецкого видно, что в 1817 г. был уже один алтарь, в ином случае ученый ввел бы дополнительные данные для опознания того алтаря, под которым лежала плита. Новый алтарь в 1817—1824 гг. перенесли под стену часовни св. Троицы, где его зафиксировал инвентарь 1827 г.¹⁸

По известным данным во второй половине XIX в. надгробие находилось в бабище («спритворе») церкви. Рассмотрим, может ли тогдашнее размещение памятника отвечать локализации Б. Кровницкого 1771 г. В 1860 г. Я. Головацкий говорил: «Я осматривал праве уже забытый тот памятник. Он лежит по правой стороне

входя в церковь св. Онуфрия под лавками, на пем стоящими, вставленный в каменный пол»¹⁹.

Осмотрев в 1883 г. памятник, А. Петрушевич отметил: «Надгробный камень находится в притворе близ главных дверей, с правой стороны над стеною, закрыт теперь лавками»²⁰. Идентичности обеих локализаций подтверждается тем, что на протяжении 1824—1883 гг. в бабинце не проводился ремонт, который мог бы повлечь за собой перемещение плиты на другое место. К сожалению, эти ученые не говорят, возле какой стены, западной или южной, лежит плита. Однако слова «под лавками» исключают западную стену, ибо вдоль может стоять лишь одна лавка. Более того, около 1869 г. при центральном входе установили деревянный тамбур²¹. Его западные двери не позволяли разместить лавки ближе двух метров от западной стены. Не могла плита быть на самом крае бабинца возле прохода в часовню, т. е. фактически в центре церкви. В этом случае теряют всякий смысл слова Я. Головацкого и А. Петрушевича, что плита лежит возле центрального входа.

Таким образом, в 1824—1883 гг. плита лежала вдоль южной стены бабинца в промежутке 3 м от первого прохода в часовню (см. план). Но в этом месте она не могла быть в 1771—1817 гг., ибо тут под полом находилась одна из склеповых камер бабинца, разобранный и засыпанный во время ремонта 1815—1825 гг. В эту камеру производились захоронения еще до 1777 г.²² Такой факт исключает возможность нахождения в данном месте алтаря Богородицы, как и плиты, в период до вышеуказанного ремонта. Хочется обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство: в 1771 г. и бабинец был еще отдельной, отгороженной стеной, частью церковного помещения. Потому странно было бы, чтоб такой добросовестный хронист, как Б. Кровницкий, и составитель инвентаря 1769 г. не локализовали алтарь этим термином, хотя в своей работе Б. Кровницкий использует его²³.

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что в 1771 г. плита первопечатника еще не лежала в бабинце. Но где же в центральном нефе она могла размещаться? Ответить на этот вопрос поможет «филяр», возле которого размещался алтарь Богородицы. Локализовав местонахождение «филяра», можно установить, где лежало надгробие Ивана Федорова. Надо помнить, что современный вид храма значительно отличается от того, который был в 1771 г. Церковь была однонефной, имела пресбитерий, бабинец, отделенный от основного помещения стеной. О наличии пристроек или проходов в северной стене центрального нефа данных нет. С юга к церкви примыкала часовня св. Троицы (современный правый неф). Соединялись они между собой сначала одним проходом, а с 1776 г. еще одним²⁴.

Где в церкви мог быть «филяр», обозначенный хронистом? Если проход в поперечной стене, разобранный в 1777 г., был арочного типа, тогда основы стены могли образовывать конструкции, похожие на колонны²⁵. В 1771 г. «филяры» создавались также нервюрами, которые соединялись на южной и северной стенах.

Оширалась она на столбонподобные конструкции, которые опускались до уровня пола. Сейчас эти «филяры» стесаны, а нервюры на высоте 3 м ограничиваются карнизами. Алтарь мог стоять также у южной стены на одной из сторон аркадного прохода в часовню. Как видим, есть много возможных мест размещения алтаря. Но их количество уменьшится, если учесть характер повреждения надгробия²⁶. Зарисовка плиты, исполненная в 1817 г. М. Гриневецким, фиксирует такое состояние: изображение и надпись наиболее вытерты в верхней и левой части по отношению к личному знаку первопечатника. Лучшая сохранность правой и нижней части плиты свидетельствует о ее размещении в углу двумя стенками или о размещении верхним краем у какого-то прохода. В связи с этим отсутствие пристроек к центральному нефу с северной стороны, как и отсутствие проходов в северной стене, исключает размещение тут надгробия. Надгробие и алтарь не могли стоять и у западной стены, разобранной в 1777 г. Ведь при разборе непременно было бы их перемещение. Б. Кровницкий это не фиксирует, хотя детально отмечает даже временные перемещения других алтарей.

Стало быть, единственным местом, где могли быть в 1771 г. алтарь Богородицы и плита Ивана Федорова, является прииконостасная часть южной стены современного центрального нефа. Уже отсюда в 1817—1822 гг. надгробие переносят под южную стену бабинца, откуда осенью 1883 г. оно исчезает. Игумен Онуфриевского монастыря К. Сарницкий вместе с группой польских ученых составляет протокол о том, что плита случайно была уничтожена при замене пола в бабинце. Она якобы разлетелась на кусочки, когда ее подымал ломом рабочий. Для проверки показаний игумена на месте, где до 1883 г. лежало надгробие, был снят пол. Сделанные шурфы засвидетельствовали отсутствие как плиты, так и ее фрагментов²⁷.

Трудно поверить, чтобы большая плита 2 м×0,8 м×0,4 м разлетелась на маленькие куски, из которых ни один не сохранился. Возникает предположение о том, что надгробие специально разбили или где-то припрятали. Что могло побудить монахов к таким действиям? На возможные причины исчезновения плиты указал В. Шурат²⁸. Он обратил внимание на политическую ситуацию в Галичине в начале 80-х годов XIX в. В 1881 г. закончился политический процесс над известными «москвофилами» Ольгой Грабарь и священником И. Наумовичем²⁹. В связях с «москвофилами», а через них с русским правительством обвинялись униатский митрополит и монахи-василиане. А вскоре после этих событий, 5 декабря 1883 г., исполнялось 300 лет со дня смерти известного русского православного деятеля, просветителя Ивана Федорова. Если на протяжении первой половины XIX в. церковь св. Онуфрия (церковь центрального униатского монастыря Галичины!) посетило около десяти известных русских ученых и деятелей культуры, то и в 1883 г. следовало ожидать того же. Монахам такие встречи были не нужны, так как они могли вызвать пе-

желательные политические последствия. Очевидно, с этими обстоятельствами связано исчезновение плиты.

Вопреки категорическому утверждению об уничтожении надгробия в 1883 г., через 40 лет, 8 ноября 1923 г., лудский епископ Иосиф заявил, что плита сохранилась под стеной апсиды правого нефа Онуфриевской церкви³⁰. Подробнее об этом должен был знать игумен Христинопольского монастыря М. Лончина, рассказавший о своем посещении в 1887 г. Онуфриевской церкви. Тогдашний игумен этого монастыря К. Сарницкий показал ему «возле престола в старой часовне. . . плиту, размером около 1 метра с нечеткой, частично затертой надписью, которая была вделана в пол той часовни, с левой стороны от престола, в южно-восточном направлении». К. Сарницкий считал эту плиту надгробием Ивана Федорова. В 1903 г., в период игуменства в Онуфриевском монастыре М. Лончины, в церкви делали ремонт. Возникла необходимость выровнять северо-восточную стену апсиды часовни. Для этого к старой стене была пристроена новая, которая и перекрыла плиту. К протоколу М. Лончина приложил детальный план церкви с указанием места размещения плиты.

Для окончательного выяснения судьбы надгробия первопечатника в феврале 1924 г. была создана специальная комиссия. Однако по неизвестным нам причинам она не провела исследований в Онуфриевской церкви.

Утверждение М. Лончины удалось проверить лишь в ноябре 1971 г. автору статьи и директору Львовской картинной галереи Б. Г. Возницкому. По периметру стены абсиды правого нефа были сделаны горизонтальные зондажи. Установлено, что стена для выравнивания апсиды поставлена не в северо-восточной части, как указывал М. Лончина, а в юго-восточной. Никакой плиты под ней нет. В северо-западной части апсиды был открыт заложенный проход, порогом которого служит каменное надгробие львовского горожанина Пантелеймона Левковича³¹. На этой плите обнаружены людские кости. При осмотре их установлено, что они принадлежали мужчине в возрасте 60—70 лет и молодому человеку 25—40 лет. Несмотря на нарушение анатомического порядка мужского костяка, он в основном сложен по линии запад—восток и при этом голова сориентирована на восток, что, возможно, является повторением позиции костяка в месте его захоронения. Немногочисленные кости молодого человека лежали между костями мужского скелета: особого порядка в их размещении не замечено. Все наблюдения дают возможность сделать такие выводы: во время перестройки церкви Онуфрия, возможно, в 1902—1903 гг. в пределах церкви было выявлено захоронение старшего мужчины в склепе, а в земле вне погребальных сооружений — захоронение молодого человека. Кости обоих покойников выбрали из захоронений, но часть из них оставлена на месте или выкинута вместе с землей. По каким-то соображениям монахи-вавилане считали, что человек, костяк которого выявлен, имел право быть похороненным в помещении церкви. Найденные кости перенесли на новое место —

между двумя кирпичными стенками, где ранее были двери в ризницу, и там сложили в определенном порядке, возможно повторив положение костяка в захоронении. Вместе с костями старшего мужчины на новое место попало и некоторое количество костей из одновременно нарушенного захоронения молодого человека. Отверстие, через которое были сложены кости, замуровали, а закладку дверей бывшей ризницы с обеих сторон заштукатурили. Благодаря этому место сокрытия костей случайно или специально было хорошо замаскировано и осталось неизвестным до 5 февраля 1971 г. Вопрос о принадлежности найденного в проходе костяка какому-то конкретному лицу остается открытым. При полном отсутствии документальных свидетельств можно только сказать, что это захоронение клирика, ибо скелет ориентирован головой на восток: так погребали священнослужителей.

Если М. Лончина имел в виду надгробие П. Левковича, вмонтированное в пол прохода, то он ошибался, приписывая его Ивану Федорову. Недоразумение могло возникнуть из-за неразборчивости инскрипции в связи с ее плохим состоянием и наличием вязи. Возможно, что М. Лончина принял фрагмент фамилии П. Левковича («. .кович») за вытертое прозвище первопечатника («Федорович»).

В 1972 г. во время демонтажа церковных шкафов в бабинце храма были выявлены два надгробия, которые пропали вместе с плитой Ивана Федорова³². Принадлежат они молдавскому господарю Стефану VII Томше и члену Львовского Ставропигийского братства греку Марку Лангишу. В 20-х годах XIX в. плиты были перенесены с пола в боковые ниши бабинца. В 1883 г. их наглухо закрыли большими деревянными шкафами. В связи с выявлением надгробий на старых местах возник вопрос, не осталось ли надгробие Ивана Федорова под южной стеной бабинца?

Проверкой такого предположения мы занимались в начале 1973 г., когда при установлении в бабинце отопительной системы был снят пол. Возле южной стены бабинца, в том месте, где в XIX в. находилась плита первопечатника, была вскрыта южная камера склепа, разобранная и засыпанная строительным грузом во время ремонта церкви в 20-х годах XIX в.³³ На глубине 2,4 м от современного уровня пола церкви обнаружено пять в основном ненарушенных захоронений, судя по сопровождающему их инвентарю, XVI—XVIII вв. В засышке не выявлено фрагментов плиты, которые можно было бы связать с надгробием Ивана Федорова. К сожалению, реставрационные работы, проводившиеся в церкви, не дали возможности исследовать центральную и северную камеры склепа бабинца.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: 1) в 1771 г. надгробие первопечатника Ивана Федорова размещалось у южной стены Онуфриевской церкви, возле иконостаса под алтарем Богородицы; 2) между 1817—1822 гг. надгробную плиту переносят под южную стену бабинца, где она пролежала до осени 1883 г.; 3) причину исчезновения (уничтожения?) плиты следует видеть

в нежелании монахов-униатов иметь в своей церкви памятник русскому и православному деятелю Ивану Федорову; 4) утверждение о перемещении надгробия в 1883 г. в апсиду правого нефа церкви св. Онуфрия не соответствует действительности.

С историей плиты первопечатника тесно связан вопрос о местонахождении праха Ивана Федорова. Где мог быть похоронен друкар? В XVI в. на Украине хоронили как на кладбищах, так и в церквях. При этом в храмах хоронились как клирики, так и светские (знатные или из числа прихожан-благотворителей). Могилы церковнослужителей размещались в видном и обязательно отделенном от светских месте. Как установлено, неклирики в церкви св. Онуфрия хоронились в бабинце. В связи с этим захоронения церковнослужителей должны размещаться ближе к иконостасу, в том числе и в месте нахождения (на 1771 г.) алтаря Богородицы. На наш взгляд, здесь и надо искать прах первопечатника, ибо известно, что он был дьяконом московской церкви Николы Гостунского. Сохранил Иван Федоров рукоположение и на Украине, хотя и не занимался тут литургической деятельностью³⁴. Но такой гипотезе как будто противоречат слова Б. Кровницкого, достаточно ясно говорившего о могиле первопечатника вне храма³⁵. Однако не надо забывать, что в глазах монаха анонимный печатник — это простой светский человек, ремесленник, место праха которого на кладбище возле церкви. Как уже доказано, хронист ничего не знал ни о личности Ивана Федорова (и о его дьяконстве!), ни о его надгробии. В ином случае он указал бы, откуда, когда и при каких обстоятельствах перенесли в церковь такой ценный памятник монастырской истории. Хрониста могло, кроме этого, ввести в заблуждение и расположение плиты под старинным алтарем. В соответствии с религиозными канонами в алтарях размещались лишь мощи святых, иные же захоронения не допускались. Зная это, Б. Кровницкий мог думать, что это место плиты не первоначальное, а перенесенное сюда уже после установки алтаря. Но могло быть иначе: при установке алтаря в малой, небольшого размера церкви выбрали место у свободной стены, над древним захоронением. К слову сказать, алтарь не мог быть создан до смерти первопечатника, так как на Украине алтари вводятся в церквях только с начала XVII в., чего, по всей вероятности, не мог не знать хронист. Думается, что вышеуказанные соображения и привели Б. Кровницкого к выводу о захоронении Ивана Федорова возле церкви и последующем перенесении надгробной плиты в храм под алтарь Богородицы.

На наш взгляд, прах первопечатника должен находиться в прииконостасной части южной стены современного центрального нефа. При этом атрибутирующими захоронение Ивана Федорова элементами, наверное, будут: положение скелета головой на восток, остатки дьяконского одеяния и, возможно, перстень-печатка с личным знаком Ивана Федорова. Известно, что таким сигнетом он запечатал в 1583 г. свое письмо к саксонскому курфюрсту Августу³⁶. Очевидно, что доказать или опровергнуть гипотезу о погребении

друкаря в церкви смогут лишь раскопки на монастырском кладбище и в храме. И провести их в самое ближайшее время обязывает нас имя выдающегося восточнославянского просветителя.

- 1 См.: *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974, с. 168—174. Библиография вопроса детально представлена в кн.: *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине: Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указ. лит., 1574—1974. М., 1975.
- 2 Государственная научная библиотека им. В. Стефанника АН УССР во Львове, Отд. рукописей, ф. василианских монастырей (далее — ГНБ АН УССР, м. в.), № 132.
- 3 ГНБ АН УССР, м. в., № 132, л. 1.
- 4 Там же, л. 8.
- 5 Там же, л. 3. В оригинале запись на польском языке.
- 6 Объяснительный текст дополнения, написанного на польском и латинском языках, переводим. В тексте инскрипции сохраняем оригинальное правописание.
- 7 ГНБ АН УССР, м. в., № 132, л. 6.
- 8 ГНБ АН УССР, Отд. редкой книги, СТ-54 010. См.: *Исаевич Я. Д.* Львовский Апостол Ивана Федорова 1574 г.: (По материалам львовских книгохранилищ). — Книга: Исслед. и материалы, 1964, сб. 9, с. 63—64.
- 9 Центральный государственный исторический архив УССР во Львове (далее — ЦГИА УССР во Львове), ф. 684, оп. 1, д. 2235, л. 4 об.; д. 2186, л. 19 об., 58.
- 10 ГНБ АН УССР, м. в., № 115, л. 234 об.
- 11 *Bandtke J. S.* Historia drukarni w Królestwie Polskim i Wielkiem Xięstwie Litewskiem. Kraków, 1826, t. 1, s. 386.
- 12 *Kepnen Ф. П.* Биография П. И. Кепшена. СПб., 1911, с. 46, 55, 58. В своем дневнике П. И. Кепшен указал точное место размещения плиты первопечатника на 1822 г. К сожалению, нам не удалось отыскать этот дневник.
- 13 Львовский государственный исторический музей, ф. рукописей, Р-135, с. 172.
- 14 ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, д. 1584а, л. 1—1 об. Выявлен в 1966 г. См.: *Мацюк О. Я.* Чи було книгодрукування на Україні до Івана Федорова. — Архіви України, 1968, № 2, с. 4—9.
- 15 ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, д. 1584а, л. 1. Литера «В» возле знака первопечатника обозначает порядковый номер плиты в описи.
- 16 ЦГИА УССР во Львове, ф. 684, оп. 1, д. 2186, л. 10 об.
- 17 ГНБ АН УССР, м. в., № 132, л. 37 об.
- 18 ЦГИА УССР во Львове, ф. 684, оп. 1, д. 2250, л. 5 об.
- 19 *Головацкий Л. Ф.* Начало и действование Ставропигийского братства во Львове по отношению историко-литературному. — Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860, Львов, 1860, с. 472.
- 20 *Петрушевич А. С.* Иван Федоров — русский первопечатник: Ист.-библиогр. рассуждение. Львов, 1883, с. 25. См. также: ГНБ АН УССР, Отд. рукописей, ф. А. С. Петрушевича, АСП-724, к. 58, с. 250—252; АСП-676, к. 27, с. 435—436.
- 21 ГНБ АН УССР, м. в., № 114, л. 23 об.
- 22 Там же, № 132, л. 32 об.
- 23 Там же, л. 6.
- 24 ГНБ АН УССР, м. в., № 132, л. 32 об.
- 25 Там же.
- 26 См.: *Верещагин В.* Старый Львов. — Старые годы, 1915, апр.—май, с. 51.
- 27 *Kurjer Łwowski*, Lwów, 1883, N 264, с. 2—3. Выражаю благодарность Ф. Ф. Максименко, который обратил мое внимание на эту публикацию.
- 28 *Шурат В.* Довкола намогильного каменя Ів. Федорова. — В кн.: Зап. чина св. Васілія Великого. Жовква, 1924, с. 137.
- 29 «Москвофилы» — общественно-политическое движение в Галичине, на Буковине и Закарпатской

- Украине во второй половине XIX—начале XX в., которое объединяло часть духовенства, консервативной интеллигенции и сельской буржуазии, ориентировавшихся на реакционные силы царской России. См. Радянська енциклопедія Історії України. Київ, 1971, т. 3, с. 175
- ³⁰ См.: *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания на Украине, с. 172.
- ³¹ Надгробие известно в этом месте еще с 20-х годов XIX в. См.: ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, д. 1584а, л. 1 об. Обследование выявленных в проходе человеческих костей провел археолог, доктор исторических наук И. К. Свешников. О результатах исследований 20 ноября 1971 г. был составлен акт. Излагаем факты по экземпляру акта Львовской картинной галереи. См. также в данном сборнике статью И. К. Свешникова.
- ³² *Janusz B. Zabytki moldawski we Lwowie.* — *Wiadomosci konserwatorski, Lwów, 1924, N 2, s. 60.*
- ³³ Расчистку и фиксацию захоронений провели доктор исторических наук И. К. Свешников и кандидат исторических наук Л. Г. Мацковой. Данные приводятся по акту, который хранится в архиве Львовской картинной галереи.
- ³⁴ См.: *Вольнский ист.-археол. сб. Житомир, 1900, вып. 2, с. 252.*
- ³⁵ В 1924 г. появилось сообщение, что о захоронении Ивана Федорова в озле церкви имеется и другое документальное свидетельство. См.: *Стара Україна, 1924, № 2/5, с. 73.* Нами была проверена данная рукопись (ГНБ АН УССР, ф. Оссолинских, № 2086). В ней отсутствуют упоминания не только о плите, но и об Иване Федорове.
- ³⁶ *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания на Украине, с. 163.

